

ДЭВИД ЛЕВИТАН РЭЙЧЕЛ КОН

NETFLIX

A NETFLIX
ORIGINAL SERIES

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

ДЭША

ЧИЛИ

Дэвид Левитан
Рэйчел Кон
Записная книжка Дэша и Лили
Серия «Young Adult.
Дэш и Лили от Netflix»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63382286

Записная книжка Дэша и Лили / Дэвид Левитан, Рэйчел Кон: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-115658-9

Аннотация

Дэш ненавидит Рождество. Зато он любит книги и накануне рождественских праздников не вылезает из книжного магазина. На одной из полок он неожиданно находит красную записную книжку.

В ней таинственная незнакомка оставила несколько увлекательных головоломок.

Этой незнакомкой оказывается Лили. Новогодние каникулы она проведет в полном одиночестве и поэтому ищет друга.

Так началась захватывающая игра. Дэш и Лили решают загадки и делятся своими секретами в записной книжке, которую прячут в разных местах Нью-Йорка.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дэвид Левитан, Рэйчел Кон
Записная книжка
Дэша и Лили

Посвящается маме настоящего Дэша

Глава 1

Дэш

21 декабря

Представьте себе такое:

Разглядываете вы себе спокойненько полки в любимом книжном. Добираетесь до секции с книгами своего любимого автора и тут неожиданно находите между знакомыми корешками красную записную книжку.

Что вы сделаете?

Ответ, по-моему, очевиден.

Возьмете и откроете ее.

А потом выполните то, о чем вас в ней просят.

В Нью-Йорке стояли рождественские дни. По мне, так самое паршивое время года. Шумные сборища на улицах, бесконечные визиты злосчастных родственников, псевдовеселье, жалкие и безрадостные попытки развлечься – все это лишь усиливало мою давнюю неприязнь к общению с другими людьми. Стоило высунуть на улицу нос, как хотелось тут же забиться обратно в нору. Я не хотел «обрести спасение» от какого-либо «воинства». Мне всегда была по бара-

бану вся эта чистота и незапятнанность Рождества. Я был декабристом, большевиком, рецидивистом и филателистом: человеком, терзаемым странным желанием – быть тем, кем не являются все остальные. И я насколько возможно незаметно проскальзывал мимо неизменных спутников Рождества: пьяных компаний и иностранцев, пересекших полмира ради того, чтобы увидеть, как зажжется рождественская елка, и почему-то не осознающих, что это языческий ритуал.

Единственный светлый момент для меня в это темное время – рождественские каникулы (школы, наверное, специально закрывают для того, чтобы все смогли до тошноты набегаться по магазинам, а также обнаружить, что родственнички, как и мышьяк, хороши только в малых дозах... если вы, конечно, не хотите отбросить копыта). В этом году на Рождество мне удалось добровольно «осиротеть». Маме я сказал, что проведу каникулы с отцом, отцу – что с мамой. Оба отправились на отдых с любовниками, которых завели уже после развода. Мои родители лет восемь как не разговаривают друг с другом, тем самым облегчая мне жизнь. Снабдив их разной информацией, я, ничем не рискуя, выиграл для себя кучу свободного времени.

В их отсутствие я попеременно жил то в маминой, то в отцовской квартирах, но в основном торчал в «Стрэнде» – оплоте будоражащего количества знаний, не столько книжном, сколько скоплении десятков таких же книжных с полками протяженностью в мили. Служащие «Стрэнда», в обя-

гивающих джинсах и сдержанных рубашках, прогуливаются по секциям магазина неспешно и отстраненно, не обращая на тебя никакого внимания. Они смахивают на старших братьев и сестер, которые никогда не снизойдут до разговора с тобой, никогда не обратятся к тебе сами и вообще не будут тебя замечать, пока поблизости их друзья... а те всегда рядом. Есть книжные, которые выставляют себя чуть ли не домами культуры, как будто для того, чтобы продать тебе Пруста, нужно обязательно забачать мастер-класс по изготовлению печенек. В «Стрэнде» же ты всегда остаешься один на один меж двух противоборствующих сил: упорядоченности и хаотичности. И каждый раз побеждает последняя. Другими словами, это место – моя стихия.

Я приходил сюда не за чем-то определенным. Порой решал, что сегодня день какой-нибудь конкретной буквы, и рылся в секциях книжного в поисках авторов, чьи фамилии начинались с нее. В другие дни либо зависал в одной секции, либо изучал недавно пришедшие тома, еще не расставленные по алфавиту и сваленные кучей в корзины. А бывало, я просматривал книги лишь с обложкой определенного цвета. К примеру, зеленого – поскольку давно не читал книги с зеленой обложкой.

Я мог бы тусоваться с друзьями, но большинство из них проводило время со своими семьями или за приставками. Поэтому я предпочитал общество мертвых, умирающих и потрепанных книг. Мы их называем «потасканными», как

никогда бы не назвали человека, если не хотим нагрубить. («Глянь на Клариссу... такая *потасканная* девчонка».)

Я, можно сказать, самый настоящий книжный маньяк, в чем запросто признаюсь кому угодно, а это в нашем обществе социально неприемлемо. И я нежно влюблен в слово «книжный», которое другие люди используют столь же часто, как слова «кореш», «солдафон» и «трезвенник».

В тот день я решил проверить, не появились ли с распродажи какой-нибудь библиотеки нестандартные издания книг моих любимых авторов. Точнее, автора (не буду раскрывать его имени, поскольку однажды, возможно, его разлюблю). Мой взгляд зацепился за красный корешок. А именно записную книжку «Молескин». Не из кожи и не дорогую – из тех, что покупают мои ровесники, предпочитающие бумажный блокнот электронному. Можно многое сказать о человеке по его выбору бумаги для письма. Я, к примеру, приверженец простых линованных блокнотов, так как не обладаю ни талантом к иллюстрации, ни микроскопическим витиеватым почерком, смехотворно крошечным для широкой линейки. Мои знакомые чаще всего выбирают блокноты с чистыми листами. И всего один мой друг, Тибо, пользуется блокнотами в клетку. Ну или пользовался ими, пока школьные консультанты не конфисковали его записи как доказательство того, что он вынашивал планы по убийству нашего историка. (Это правда!)

Никакой подписи на корешке записной книжки не бы-

ло. Мне пришлось снять ее с полки и посмотреть на обложку. Спереди обнаружился наклеенный кусок малярного скотча со словами, написанными черным маркером: «РИСК-НЕСЬ?» Открыв книжку, я увидел запись на первой странице:

Я оставила для тебя ключи к разгадке.

Если готов рискнуть, переверни страницу.

Если не готов, верни, пожалуйста, книжку на место.

Почерк был девчачьим. Это сразу видно. По всяким красивым завитушкам. Заинтригованный, я перевернул страницу.

Начнем, пожалуй, с французского пианизма. Понятия не имею, что это за зверь такой, но, думаю, книга про него вряд ли кому-то понадобится. Тебе нужен Чарльз Тимбрелл.

88/7/2

88/4/8

Не переворачивай страницу, пока не впишешь нужные слова в оставленные для них пробелы.

(Только прошу тебя, не пиши ничего в других местах записной книжки).

Слыхом не слыхивал о французском пианизме, однако ес-

ли бы прохожий на улице (не иначе как в шляпе-котелок) спросил меня, пианистичный ли народ французы, я бы без колебаний ответил «да».

Поскольку «Стрэнд» я знаю лучше собственного дома (домов), то сразу понял, где искать нужное: в разделе музыки. Назвав автора, незнакомка дала мне фору. Она что, принимает меня за болвана, дурачка, простофилю? Хотелось бы чутка уважения от нее, прежде чем я смогу заслужить его делом.

Книгу я нашел достаточно быстро – достаточно быстро для того, у кого было в запасе четырнадцать минут. Она находилась там, где я и думал. Подобный экземпляр может чахнуть на полке годами. Издатель даже не удосужился привлечь читателя иллюстрацией. На обложке были написаны лишь название – «Французский пианизм: историческая перспектива», имя автора – «Чарльз Тимбрелл» и чуть ниже: «Предисловие Габи Казадезюса».

Сначала я решил, что первые цифры в записной книжке – это какая-то значимая дата для французского пианизма, однако не смог найти никаких упоминаний о 1988, 1888, 1788 или любых других годах, заканчивающихся на две восьмерки. Озадаченный, я крепко призадумался. Наконец, до меня дошло, что цифры незнакомки означают давнишнюю книжную мантру: страница, строка, слово. Я открыл восемьдесят восьмую страницу, нашел седьмую строку и второе слово, затем – четвертую строку и восьмое слово.

«скажи мне»

Сказать что? Ладненько, выясним. Я заполнил пробелы (аккуратно, стараясь не выходить за оставленное для меня место) и перевернул страницу.

Отлично. Теперь не жульничай.

Тебя что-нибудь смутило на обложке этой книги (не считая отсутствия иллюстрации)?

Подумай об этом, а потом переверни страницу.

Ну, это легко. Обычно на обложке не пишут про предисловие. Я перевернул страницу.

Если ты тоже обратил внимание на упоминание предисловия, то, пожалуйста, продолжай. Если нет, то верни книжку на полку.

И я снова перевернул страницу.

2. «Гламурная пышка – королева выпускного бала»

64/4/9

119/3/8

И никакого тебе имени автора. Задача потруднее.

Я подхватил «Французский пианизм» (мы как-никак сблизилась, не оставляя же его в одиночестве) и направился к информационной стойке. За ней сидел парень. Видок у него был такой, словно с кока-колой он нечаянно хватнул психотропного.

– Я ищу «Гламурную пышку – королеву выпускного бала», – заявил я.

Парень не ответил.

– Это не девушка, а книга, – пояснил я.

Ноль реакции.

– Хотя бы автора назвать можешь?

Он по-прежнему пялился в монитор, ничего не печатая.

– У тебя невидимые наушники?

Парень почесал внутреннюю часть локтя.

– Мы знакомы? – Черта с два я так просто сдамся. – Я что, бил тебя в саду, и ты теперь мстишь мне, получая от этого садистское удовольствие? Ты – Мелкий Стивен, да? Я тогда тоже был мелким и глупым, раз пытался утопить тебя в питьевом фонтане. Но ты сам напросился, испортив мой доклад. Я лишь ответил на акт неоправданной агрессии.

Парень наконец отреагировал на мои слова, покачав лохматой головой.

– Значит, ты не Мелкий Стивен?

– Я не могу показать месторасположение книги «Гламурная пышка – королева выпускного бала», – снизошел он до объяснения. – Ни тебе. Ни кому-либо другому. И хотя я не

Мелкий Стивен, тебе должно быть стыдно за то, как ты с ним обошелся. *Очень* стыдно.

Ладно, трудностями нас не испугаешь. Я попытался открыть на мобильном «Амазон», чтобы найти нужную книгу, но в магазине не ловилась связь. Мне подумалось, что «Гламурная пышка» скорее всего стоит в разделе художественной литературы (я бы сильно удивился, обнаружь обратное), поэтому направился туда и принялся осматривать полки. Безуспешно побродив меж стеллажей, вспомнил, что подростковая литература находится на втором этаже, и сразу пошел наверх. Там я первым делом начал выискивать розовые корешки. Все мои инстинкты кричали о том, что обложка «Гламурной пышки» ну никак не обойдется без капельки розового. И вдруг, о чудо, отыскал ее в секции с буквой «М»!

Я пролистал ее до нужных страниц и нашел:

«готов ли»

После чего открыл записную книжку.

А ты находчивый!

Теперь, когда ты нашел нужное в разделе подростковой литературы, я вынуждена уточнить:

Ты – парень-подросток?

Если да, то переверни страницу.

Если нет, то, пожалуйста, верни книжку туда, где на-

шел.

Я подходил по всем параметрам: мне шестнадцать, и у меня соответствующие половые признаки. Я вписал найденные слова в оставленные незнакомкой пробелы.

Следующая страница.

Радости однополого секса (третье издание!)

66/12/5

181/18/7

Ну, тут хоть сразу понятно, где *это* искать. На полках раздела «Секс и сексуальность», куда заглядывают либо тайком, либо наигранно дерзко. Лично я бы побрезговал покупать подержанное руководство по сексу (не важно, однополую или разнополую). Наверное, поэтому и нашел на полках целых четыре экземпляра «Радостей». Открыл страницу шестьдесят пять, спустился взглядом до двенадцатой строчки и нашел пятое слово: «*член*».

Я перепроверил, правильно ли посчитал строку и слово. Это что же у нас получается?

«*Скажи мне, готов ли член...*»?

Я не без содрогания пролистал руководство до сто восемь-

десять первой страницы.

«Заниматься любовью молча, все равно что играть на беззвучном пианино: для практики неплохо, но зачем обдирать себя, лишая потрясающей симфонии звуков?»

Сравнение так себе. Я даже несколько разочарован. К счастью, к тексту не прилагалось никаких иллюстраций. Итак, мое седьмое слово:

«играть»

Все вместе получается:

«Скажи мне, готов ли член играть...»

Что-то тут явно не так. Звучит очень странно.

Я вернулся к записной книжке, подавив порыв просто перевернуть страницу. Вглядевшись в девчачий почерк, осознал свою ошибку: мне нужна была страница шестьдесят шесть, а не шестьдесят пять (мини-версия числа дьявола).

«ты»

О, теперь начало фразы звучит как надо.

«Скажи мне, готов ли ты играть...»

– Дэш?

Повернувшись, я увидел Прию, девчонку из моей школы. Даже не знаю, как ее лучше назвать: подругой или знакомой. Она дружила с моей бывшей девушкой, Софией, которая сейчас живет в Испании. (Я тут ни при чем.) Я не нашел в Прие никаких отличительных черт характера, хотя, сказать по правде, не особенно-то к ней присматривался.

– Привет, Прия.

Она уставилась на мой улов: красную записную книжку, «Французский пианизм», «Гламурную пышку – королеву выпускного бала» и последнюю находку – «Радости однополого секса (третье издание)». Последняя была открыта и поражала воображение довольно графичной картинкой, на которой пара мужчин выделявали такое, что я посчитал бы невозможным. Учитывая ситуацию, мне следовало хоть как-то объяснить.

– Это для доклада, – доверительно пояснил я. – О французском пианизме и его последствиях. Ты не поверишь, до чего французы докатились в своем пианизме.

Судя по лицу Прии, она уже пожалела о том, что окликнула меня.

– Ты на Рождество дома остался? – спросила она.

Скажу «да», и Прия, не дай бог, огорошит меня приглашением на вечеринку или групповой выход на праздничный фильм «Бабулю сбил олень Санты», где чернокожий ак-

тер играет все роли, кроме одной-единственной – оленихи и, полагаю, его зазнобы. Под нависшей угрозой я решительно принял превентивные меры: солгал сразу, чтобы не пришлось увиливать потом.

– Завтра уезжаю в Швецию.

– В Швецию?

Сам не знаю, с чего приплел Швецию. Родственников у нас там нет, и Рождество нам праздновать там не с кем.

– Люблю Швецию в декабре, – предложил я Прие в качестве объяснения. – Дни короткие... ночи длинные... и никаких орнаментов в уличных украшениях.

– Звучит прикольно, – кивнула Прия.

Мы неловко помолчали. Согласно правилам приличия, теперь разговор должен был поддержать я. Но я прекрасно понимал, что если поведу себя прилично, то Прия не уйдет, а я только этого и ждал.

Прия выдержала только минуту.

– Ну ладно, мне пора, – сказала она.

– Счастливой Хануки, – пожелал ей я. Обожаю поздравлять не с тем праздником и смотреть на реакцию людей.

Прия никак не отреагировала.

– Повеселись там в Швеции, – отозвалась она и ушла.

Я переложил книги так, чтобы молескин оказался сверху, и перевернул его страницу.

То, что ты готов стоять в «Стрэнде» с книгой «Радости

однополого секса» в руках, говорит о радужных перспективах в нашем общении.

Однако если эта книга у тебя уже есть или ты сочтешь ее для себя полезной, то, боюсь, на этом наше с тобой знакомство закончится. Я ничего не имею против однополых отношений, но, если тебя интересуют парни, то, увы, я в такую картину не вписываюсь.

Ну а теперь последняя книга.

4. «Как живут те, кто остался» Мэри Хоу

23/1/8

24/5/9, 11, 12, 13, 14

_____ ?
_____ ?

Заинтригованный, я направился в раздел поэзии. Кто же эта странная незнакомка, призвавшая меня? Странно, что мы оба знаем одну и ту же поэтессу. Большинство людей из моего круга вообще не читает никаких поэтов. Я попытался вспомнить, не говорил ли о Мэри Хоу с кем-то из своих приятелей – хоть с одним. Вроде нет. Возможно, только с Софией, но это точно не ее почерк. (К тому же она в Испании.)

Я проверил полку с буквой «Х». Ничего. Осмотрел весь раздел поэзии. Ничего. Я готов был закричать от бессилия, когда наконец увидел искомую книгу: на самом верху, в двенадцати футах от пола. Там выглядывал самый кончик ее корешка, тоненький и темно-сливовый. Я подтащил к стелла-

жу лестницу и с опаской вскарабкался наверх. Под потолком было пыльно и душно, на такую высоту, видно, никто не взбирается. И вот наконец томик в руках. Мне ужасно не терпелось его открыть. Я поспешно пролистал страницы до нужных: двадцать третьей и двадцать четвертой и нашел нужные шесть слов.

«ради чистого удовольствия и подлинного наслаждения»

Я чуть не сверзился с лестницы.

«Скажи мне, готов ли ты играть ради чистого удовольствия и подлинного наслаждения?»

Фразочка, мягко говоря, возбуждающая.

Я осторожно спустился и перевернул страницу в записной книжке.

Ну вот и все.

Теперь тебе решать, что мы будем (или не будем) делать.

Если ты не против продолжить наше общение, то, пожалуйста, выбери книгу (любую) и оставь в ней листок со своим электронным адресом.

Отдай ту книгу Марку, который сидит за стойкой информации.

Если будешь задавать вопросы обо мне, он книгу не возь-

мет.

Поэтому никаких вопросов.

Когда ты передашь книгу Марку, пожалуйста, верни записную книжку туда, где ее нашел.

Выполнишь это все и, скорее всего, получишь весточку от меня.

Спасибо.

Лили.

Впервые за долгое-предолгое время я обрадовался зимним каникулам и тому, что следующим утром мне не надо ехать ни в какую Швецию.

Мне не хотелось усердствовать в выборе книги. Если бы начал выбирать, то, маясь сомнениями, так бы и заночевал в «Стрэнде». Поэтому я взял первую пришедшую на ум книгу и решил оставить не электронный адрес, а кое-что другое. Марк (мой новый друг за информационной стойкой) не сразу ведь передаст книгу Лили, так что у меня есть время. Я молча отдал ему книгу, он кивнул и убрал ее в ящик стола.

Теперь я должен был вернуть на место красный молескин, дав возможность найти его кому-то еще. Но вместо этого я оставил его себе. А с ним прихватил и «Французский пианизм» с «Гламурной пышкой». Куплю их.

В эту игру, решил я, можно играть вдвоем.

Глава 2

Лили

21 декабря

Я обожаю Рождество.

Обожаю в нем все: рождественские огни, веселье, большие семейные посиделки, вкусняшки, горы подарков под елкой и пожелания всем добра. Обычно люди желают добра друг другу, но, по-моему, его заслуживают все живые существа на свете: мужчины, женщины, дети, животные – даже самые противные, как крысы из подземки. Я бы желала добра не только живым, но и покинувшим нас. И если уж обращаться к тем, кто находится на другой стороне, то почему бы не пожелать добра и волшебным созданиям: вампирам, эльфам, фейри и гномам? А давайте заключим в великодушные объятия весь мир? С его куклами и плюшевыми зверушками. (Шлю поцелуйчик моей русалочке Ариэль, возлежащей на потрепанной подушке в цветочек: люблю тебя, девочка!) Уверена, Санта это оценит. *Желаю добра всем-всем!*

Я обожаю Рождество так сильно, что организовала свою собственную группу распевających гимны. И хотя живу среди благородной богемы Ист-Виллидж, совершенно не сты-

жусь славящих песнопений. Наоборот, я этим столь увлечена, что вся моя родня в этом году отказалась выступать со мной, сославшись на «путешествия», «занятость», «личную жизнь» и «мы думали, ты переросла это, Лили». Я решила проблему по старинке. Сделала объявления и развесила их возле кафешек на нашей улице.

Внемлите!

Тайные воспеватели!

Хотите распеть святочные гимны?

Сильно хотите? Я тоже!

Давайте поговорим*.

С уважением, Лили

*Прошу без дурацких записок.

Мой дедушка знает всех по соседству,

и вы сильно пожалеете, если я сочту

ваш ответ неуважительным**.

Спасибо за внимание, искренне ваша, Лили

**Приношу извинения за недоверие, но это Нью-Йорк.

Вот так в этом году я и сформировала свою собственную рождественскую группу распевающих гимны. Она состоит из меня, Мелвина (компьютерщика), Роберты (ушедшей на пенсию учительницы пения), Шины (трансвестита, работающего на полставки хореографом, на полставки – официантом), его парня Энтвона (помощника менеджера в магазине хозтоваров), злоки Эрин (вегетарианки, сту-

дентки-киношницы и участницы панк-феминистского движения «Бунт девчонок») и моего кузена Марка (оказавшегося в долгу перед дедулей и своим участием в группе вернувшего должок). Меня все зовут Трехкуплетная Лили, поскольку только я помню рождественские песни дальше второго куплета. И это неудивительно, поскольку во время репетиции они все прикладываются к фляжке Роберты с горячим шоколадом и мятным ликером.

Воистину учил Он любить нас друг друга.
Любовь – закон Его, мир – Его слово.
Во имя Его угнетенные станут свободны.
Он цепи порвет, ибо рабы – наши братья,
Благодарно возносим Ему сладкозвучные гимны,
Душою и сердцем славим святое имя Его.
Христос – наш Господь! И во веки веков
Будем воспевать мы силу и славу Его.

Аллилуйя, третий куплет!

Признаться честно, я прочитала достаточное количество научных изысканий, опровергающих существование Бога. Наверное, поэтому и верю в него примерно так же, как в Санту. Я буду искренне и радостно славить имя его от Дня благодарения до сочельника, не забывая о том, что по окончании Рождества и после открытия подарков мы закруглим наши с ним отношения аж на целый год, до следующего парада универмага «Мэйсис».

Я бы с удовольствием простояла все рождественские каникулы у «Мэйсис»: в очаровательном красном наряде, позванивая колокольчиком и собирая пожертвования для Армии спасения, но мама мне запретила. Сказала, что все эти люди с колокольчиками, скорее всего, религиозные фанатики, а мы католики-лишь-на-праздник, поддерживающие гомосексуальность и право женщины на выбор. Так что никакого выпрашивания денег возле универмага! И даже не закупаемся там!

Возможно, из чувства протеста я все-таки пойду попрошайничать к «Мэйсис». Впервые за всю мою жизнь – а именно за шестнадцать лет, – родители проводят рождественские выходные отдельно от нас с братом. Они укатили на Фиджи праздновать двадцать пятую годовщину свадьбы. Женились родители сразу после университета, не имея денег на хороший медовый месяц, поэтому решили на серебряную свадьбу ни в чем себе не отказывать. Вообще, по-моему, свадебные юбилеи празднуются в кругу семьи, вместе с детьми, но меня в этом вопросе никто не поддержал. Все остальные почему-то посчитали, что отдых со мной и братом будет не столь «романтичным». Не пойму, что такого «романтичного» в том, чтобы проторчать в тропическом раю неделю с человеком, с которым не расставался всю последнюю четверть века. Не представляю, чтобы однажды кто-то захотел провести столько времени со мной наедине.

– Лили, ты этого не понимаешь, потому что никогда не

была влюблена, – ответил на это мой брат Лэнгстон. – Если бы у тебя был парень, ты бы поняла.

У самого Лэнгстона, кстати, сейчас новый бойфренд. А я во всей этой ситуации вижу лишь прискорбную созависимость. И это неправда, что я никогда не любила. В первом классе я души не чаяла в Дурашке – своей мышке-песчанке. Никогда не перестану винить себя в том, что принесла ее в школу на всеобщий показ домашних питомцев. Стоило мне зазеваться, как Эдгар Тибо открыл клетку со своей кошкой, Дурашка повстречалась с Тигрицей, и... конец истории. Добра моей Дурашке там, в ее мышинном раю! Прости, прости, прости! В тот жуткий день кровавой расправы я наказала себя тем, что перестала есть мясо. С шести лет я вегетарианка, и все из любви к своей мышке.

А в восемь лет я влюбилась в книжного персонажа из «Шпионки Гарриет» – Спорти. Я даже начала вести записи в стиле Гарриет – в красных записных книжках из «Стрэнда», покупаемых мне дедулей, – только без обидных замечаний о людях, которые время от времени позволяла себе главная героиня. Я рисовала, записывала понравившиеся цитаты и отрывки из прочитанных книг, идеи рецептов и маленькие, выдуманные со скуки, истории. Мне хотелось показать подростовому Спорти, что я не опускаюсь до обидных замечаний и злобных сплетен.

Лэнгстон был влюблен. Дважды. Его первый бурный роман закончился столь ужасно, что он был вынужден поки-

нуть Бостон сразу после университетского курса и вернуться домой залечивать душевные раны. Ну ее к черту, столь сильную любовь. Брату очень тяжело дался разрыв отношений. Ему причинили такую боль, что он мог лишь плакать и тоскливо слоняться по дому. Время от времени он просил меня поиграть с ним в «Боггл» и сделать ему бутерброды с бананом и арахисовым маслом, срезав корочку с хлеба. Я, как обычно, шла у него на поводу. Постепенно Лэнгстон оправился и снова влюбился. По-моему, новый парень у него ничего. Их первое свидание прошло на симфоническом концерте. Парень, любящий Моцарта, не может быть плохим человеком. Во всяком случае, я на это надеюсь.

К несчастью, теперь, окрыленный новой любовью, брат совершенно забыл обо мне. Он должен *все время* быть с Бенни. Для него отъезд родителей и бабушки на Рождество – подарок. Для меня – издевательство. И я отчаянно возражала против того, чтобы Бенни расположился у нас как у себя дома на все рождественские каникулы. Я напомнила брату, что мама с папой в Рождество будут на Фиджи, бабушка – в своем зимнем доме во Флориде, а значит, он должен составить мне компанию. В конце концов, в тяжелое для него время я была рядом.

– Лили, ты не понимаешь, – отозвался брат. – Тебе нужна не моя компания, а парень, с которым ты будешь проводить свое время.

Ну да, какой девушке не нужен парень? Всем нужен. Но

если смотреть на вещи реально, то эти экзотические создания довольно трудно найти. По крайней мере, достойные экземпляры. Я учусь в школе для девочек, и пусть мои сестры-лесбиянки не сочтут это за неуважение, но не имею ни малейшего желания найти среди них свою половинку. Те же редкие мужские экземпляры, которые я все-таки встречаю на своем пути – не родственники и не геи, – обычно либо слишком увлечены своими приставками, чтобы заметить меня, либо думают, что девчонка-подросток должна выглядеть как модель из журнала «Максим» или сексапильный игровой персонаж.

С дедулей тоже все непросто. Много лет назад он владел семейным продуктовым магазином на авеню-А в Ист-Виллидж. Бизнес он продал, но дом оставил. Теперь в этом доме живем мы, а дедушка переместился на четвертый этаж, заняв мансардную студию, которую называет «пентахусом». На цокольном этаже, где когда-то был продуктовый, сейчас располагается суши-ресторан. Дедуля давно уже председательствует в этом районе, превратившемся из рая для малоимущих иммигрантов в анклав яппи. Его знают все. Каждое утро он встречается со своими приятелями в местной итальянской булочной, где эти здоровенные дородные дядечки пьют эспрессо из изящных миниатюрных чашек. Прямо «Клан Сопрано» против «Богемы». Ну и так как на дедулю все взирают с нежностью и любовью, они, естественно, приглядывают и за его любимицей – мной: самой младшень-

кой из его десяти внуков и внучек. Как рассказал мне брат, нескольких пареньков, проявивших ко мне интерес, быстро «убедили» в том, что я еще слишком мала для свиданий. И все. Меня перестали замечать симпатичные мальчики. Такое ощущение, будто я теперь расхаживаю по району в плаще-невидимке. Серьезная проблема, скажу я вам.

Лэнгстон решил во что бы то ни стало: во-первых, занять меня каким-нибудь делом, чтобы заполучить себе своего Бенни на все Рождество; и во-вторых, отыскать это самое дело в западной части Первой авеню, подальше от защитного колпака дедули. Брат взял последнюю из моих красных записных книжек и вместе с Бенни выдумал задание с подсказками, чтобы найти мне подходящего компаньона. Во всяком случае, так они мне сказали. Придумав крайне сомнительные подсказки! Французский пианизм? Звучит как-то слегка непристойно. «Радости однополого секса»? Да я краснею от одной мысли об этом. Это уж совершенно точно непристойно. «Гламурная пышка – королева выпускного бала»? Умоляю вас! Я бы никогда не прочитала книжку с подобным названием.

Мне казалось, брата никогда еще не посещала идея глупее этой, пока он не сказал, где собирается оставить молескин. В «Стрэнде» – книжном магазине, куда родители в детстве возили нас по воскресеньям и где мы резвились как на своей личной игровой площадке. Более того, Лэнгстон расположил его рядом с моей книгой-талисманом: «Фрэнни и Зуи».

– Если твой идеальный парень существует, – заявил братец, – то найтись он должен возле старых изданий Сэлинджера. С этого и начнем.

Если бы это Рождество было обычным, с родителями и соответствующими празднику традициями, я бы никогда не согласилась на затею Лэнгстона. Но сейчас мне светили тоскливые дни без открытия подарков и других мелких радостей. В школе я популярностью не пользовалась, поэтому провести праздники было не с кем. Мне хотелось хоть чего-то ждать.

Но я думать не думала, что кто-то (я уж не говорю о невероятно желанном, но совершенно неуловимом экземпляре – парне, который любит читать и обитает на территории «Стрэнда») действительно найдет записную книжку и возьмется разгадывать задание. Я также не думала, что созданная мною группа распеваящих рождественские гимны кинет меня после двух вечерних уличных выступлений, чтобы петь ирландские застольные песни в баре на авеню-В. И я уж точно никогда не думала, что кто-то, подобрав ключи к загадкам Лэнгстона, ответит мне той же монетой.

И тут мне на мобильный приходит сообщение от Марка, подтверждающее, что такой человек существует.

«Лили, тут один парень взял твою записную книжку и оставил тебе кое-что взамен. Я положил его передачу в коричневый конверт».

Невероятно!

Я тут же напечатала в ответ: «*Как он выглядел?*»

«*Букой. Хипповатого вида*», – ответил Марк.

Ого! Я попыталась представить себе дружбу с угрюмым хипстером. Не получилось. Я девушка правильная: тихоня (если не считать распевания рождественских песен), хорошистка, капитан школьной команды по футболу. Люблю свою семью. Не знаю, что считается у стильной части города крутым. Я довольно скучна и занудна и совсем не похожа на хипстера. Представьте себе одиннадцатилетнюю пацанку-шпионку Гарриет спустя несколько лет: в скрывающей грудь школьной оксфордской рубашке, которую она носит даже вне школы, в потрепанных джинсах брата, с кулоном в форме животного в качестве украшения, в растоптанных кроссовках и очках «ботаника» в черной оправе. Представили? Это я. Белая Лилия, как зовет меня иногда дедуля. Нежная и хрупкая, как считают все.

Иногда мне в голову закрадывается крамольная мысль: а не стать ли темной лилией? Время покажет.

Я помчалась в «Стрэнд» забрать то, что оставил мне таинственный незнакомец. Марк уже ушел, накорябав на конверте послание: «Я серьезно, Лили. Этот чувак – сама мрачность».

Вскрываю конверт и... что? Бука, как мысленно прозвала я незнакомца, оставил мне «Крестного отца» и меню доставки из пиццерии «Два сапога». На меню виднеются следы подошвы – оно, видно, успело поваляться на полу книжно-

го. Тему антисанитарии продолжала и книга: изрядно подержанный, пропахший никотином экземпляр, трухлявые страницы которого дышали на ладан.

Я позвонила Лэнгстону за расшифровкой этой бредятины. Он не ответил. Стоило родителям написать, что они без приключений добрались до Фиджи, как Бенни официально переехал к нам. Теперь дверь брата на замке, мобильный выключен.

Мне не оставалось ничего другого, как отправиться за своей записной книжкой в пиццерию. В любой непонятной ситуации – глотай углеводы.

Я пошла по адресу, указанному в меню доставки, – пиццерия находилась на авеню-А, сразу за Хьюстон-стрит.

– Вы знаете угрюмого парня, которому нравится «Крестный отец»? – поинтересовалась я у официанта за стойкой?

– Если бы, – отозвался он. – Вам простую пиццу или пепперони?

– Кальцоне. – Тут подавали странноватую пиццу с каджунской приправой. Моя чувствительная система пищеварения такого не выдержит.

Заняв угловую кабинку, я принялась листать книгу, оставленную мне Букой. Никаких подсказок. Что ж, похоже, игра окончилась, не успев начаться. Простушке Белой Лилии такие сложности не по плечу.

Однако тут на пол выпало засунутое в книгу меню, и из него показался уголок листка для заметок, который я ка-

ким-то образом проморгала. Я подняла его и увидела мальчишеский почерк: небрежный и трудноразличимый.

Ужас какой. Я *могу* его расшифровать.

На листке был отрывок из стихотворения Мэри Хоу, самого любимого стихотворения моей мамы. Мама – профессор, специализирующийся на американской литературе двадцатого века. В детстве она частенько мучила нас с Лэнгстоном поэтическими пассажами, читая их вместо сказок на ночь. Современную американскую поэзию мы с братом знаем пугающе хорошо.

Стихотворение, упомянутое незнакомцем, мне нравится так же сильно, как и маме. В нем говорится о поэтессе, которая смотрит на свое отражение в витрине видеопроката. Мне всегда это казалось страшно забавным. Представлялась безумица, бродящая по улицам и подсматривающая за собой в витрины видеопрокатов, где рядом с ее отражением видны постеры с Джеки Чаном, Сандрой Буллок или еще какой знаменитостью, не имеющей никакого отношения к поэзии. Угрюмец понравился мне еще больше, когда я увидела, что он подчеркнул в стихе мою любимую строчку:

«Я живу. Я тебя помню».

Не видя связи между Мэри Хоу, пиццерией «Два сапога» и «Крестным отцом», я снова позвонила брату. И он опять не ответил.

Я несколько раз перечитала отрывок стихотворения. *«Я живу. Я тебя помню».* Поэзию я не особо понимаю, но долж-

на отдать должное поэтессе: звучит красиво.

Двое в соседней кабинке выкладывали на стол взятые напрокат фильмы. Тут меня осенило: «*в витрине видеопроката*». Прямо в пиццерии располагался видеопрокат.

Я метнулась туда с такой скоростью, словно это туалет, куда мне срочно приспичило, – и сразу прошла в нужную секцию. «Крестного отца» там не оказалось. Тогда я спросила работницу видеопроката, где могу найти этот фильм.

– Он на руках, – ответила та.

Тем не менее я вернулась в секцию и все-таки нашла «Крестного отца – 3», но не на той полке. Открыла коробку и – удача! – увидела еще одну записку с почерком Буки:

«Никто и никогда не берет в прокат «Крестного отца – 3». Особенно учитывая то, что он стоит не на своей полке. Еще одну подсказку? Если да, то найди «Бестолковых». Они там, где печаль встречается с жалостью».

– Где печаль встречается с жалостью? – снова обратилась я к работнице видеопроката, ожидая услышать какой-нибудь экзистенциальный ответ.

Девушка читала книгу и даже не оторвала от нее взгляда:
– В секции зарубежных документальных фильмов.

Ух ты.

Я прошла туда и – да! – рядом с фильмом «Печаль и жалость» обнаружила «Бестолковых». В коробке нашла новую

записку:

«Не ожидал, что ты продвинешься настолько далеко. Тоже фанатка депрессивных французских фильмов о масовых убийствах? Если так, то ты уже мне нравишься. Если же нет, то... какая разница? А как насчет фильмов Вуди Аллена? Тоже их не выносишь? В общем, если хочешь вернуть свою записную книжку, то выбери любой фильм, оставь в нем указания и отдай его Аманде за стойкой. Только, пожалуйста, никаких рождественских фильмов».

Я вернулась к работнице видеопроката.

– Вы – Аманда?

Девушка подняла на меня взгляд и выгнула бровь.

– Да.

– Могу я у вас оставить кое-что для одного человека? – Меня так и подмывало при этом похлопать ресницами, но я сдержалась.

– Можешь.

– У вас есть фильм «Чудо на 34-й улице»?

Глава 3

Дэш

22 декабря

– Это что, шутка? – спросил я у Аманды.

И она так на меня посмотрела, что стало ясно: надо мной действительно подшутили.

Вот это дерзость!

На кой черт я упомянул рождественские фильмы? Естественно, Лили не удержалась от подколки. А записка-то!

«5. Ищи шерстяные варежки с оленями».

Куда мне теперь идти, наверное, не понял бы только дурак.

В «Мэйсис».

За два дня до кануна Рождества.

Отправить меня туда – все равно что надеть мне на голову подарочный целлофан и пустить в него углекислый газ. Или повесить меня на веревке из кредитных карточек. Магазин за два дня до сочельника сродни осажденному городу, где очумевший народ бьется не на жизнь, а на смерть за послед-

ний снежный шар с морским коньком дабы подарить его какой-нибудь двоюродной бабушке Мэри или еще какой седьмой воде на киселе.

Не пойду туда.

Не могу.

Не хочу.

Придется.

Я попытался отвлечь себя игрой в слова. «Шерстяной» – это ведь то же самое, что и «из шерсти». Без разницы вообще. То же самое можно сказать и о таких словах, как: «деревянный» и «из дерева», «золотой» и «из золота». Однако отвлечься удалось ненадолго. Стоило подняться по лестнице из подземки и выйти к Геральд-сквер, как меня чуть не сбили с ног толпы с баулами. Над всем этим хаосом звенел «похоронный» звон колокольчика Армии спасения, и я ничуть не сомневался, что если не унесу поскорее отсюда ноги, то мне на голову свалится детский хор и запоет меня до смерти.

Я вошел в «Мэйсис» и увидел душераздирающую картину: универмаг, переполненный покупателями, которые не получают удовольствия от покупок, не радуют подарками себя любимых, а передвигаются в каком-то боевом режиме от цели к цели. Галстук – для папы, шарф – для мамы, свитера – для детей, хотя они того или нет. Я купил подарки близким по Интернету с двух до четырех ночи третьего декабря, и они уже стоят, где положено, чтобы быть открытыми в новом году. Мама оставила мне подарки у себя дома, а отец вручил

стодолларовую купюру и пожелал хорошенько повеселиться в городе. «Не потрать все на выпивку и женщин», – добавил он, намекая на то, что хоть *часть* этих денег мне следует потратить именно на них. Если бы существовал сертификат на бухло и девочек, то отец бы обязательно подарил мне его, заставив секретаршу сбегать за ним в обеденный перерыв.

Продавцы, пребывающие в непреходящем шоке от всеобщего ажиотажа, даже не посчитали странным мой вопрос:

– Где мне найти шерстяные варежки с оленями?

В конце концов я оказался в отделе верхней одежды. Интересно, если варежки – верхняя одежда, то беруши можно считать внутренней одеждой?

Мне всегда казалось, что варежки – это обратная эволюция. С чего это мы хотим походить на менее подвижную версию лобстера? Однако мое пренебрежение к варежкам достигло новых глубин, когда я «имел счастье» ознакомиться с праздничным ассортиментом этого товара в «Мэйсис». Здесь были варежки в форме имбирных человечков и варежки в блестках. Одна пара варежек имитировала поднятый палец автостопщика: видимо, местом назначения был Северный полюс. Такие варежки прямо на моих глазах взяла женщина в возрасте и положила поверх груди других, которые держала в руках.

– Вы это серьезно? – вслух брякнул я.

– Прошу прощения? – раздраженно отозвалась она.

– Если даже позабыть об эстетической и практической

стороне, – сказал я, – то в этих варежках все равно нет ни толики смысла. Вы же не собираетесь ехать автостопом на Северный полюс? Ну, типа за подарками. Ведь Рождество как раз и славится доставкой на дом. А на полюсе вы разве что найдете кучку изможденных и сварливых эльфов. Это если вы, конечно, верите в существование мистической северной мастерской. Которой, как мы прекрасно знаем, нет и не будет, как не останется снега и льда, если продолжится глобальное потепление.

– Пошел ты, – рявкнула женщина, взяла варежки и ушла.

Это просто чудо сезона – то, как громко и смачно нас посылают куда подальше. Можно огрызаться на незнакомых и близких. Можно послать кого-то практически без причины: «Ты занял мое парковочное место», или «Ты не оценил мой выбор варежек», или «Я шестнадцать часов выискивала клюшку для гольфа, которую ты хотел, а ты подарил мне подарочный сертификат в Макдональдс?» Или отправить в известном направлении того, кому хотел сказать «пошел ты» уже очень и очень давно. «Ты всегда хочешь разрезать индейку, когда не ты, а я готовила ее столько часов!», или «Не могу больше ни дня притворяться, что люблю тебя», или «Ты хочешь, чтобы я унаследовал твою любовь к выпивке и женщинам – именно в этом порядке, – но ты для меня скорее антипример отца».

Вот поэтому меня и нельзя пускать в «Мэйсис». Потому что, когда короткий период времени становится для тебя

«сезоном», ты во всем начинаешь слышать отголоски прошлого. Шагнешь в эту «эхо-камеру», и все – выбраться трудно.

Я принялся трясти все варежки с оленями, уверенный, что Лили припрятала что-то внутри одной из них. И точно, из пятой показался мятый листок. Я его вытащил.

«б. Я оставила для тебя кое-что под подушкой».

Следующая остановка: постельные принадлежности. «Постельные». Мне гораздо больше нравится существительное «постель». «Не могли бы вы показать мне, где находятся постельные принадлежности?» не идет ни в какое сравнение с «Ты правда хочешь разделить со мной постель?» Честно говоря, подобные размышления кажутся удачными только мне самому. София никогда их не понимала, и я обычно списывал это на то, что английский – не ее родной язык. Я даже всячески поощрял ее каламбурить на испанском, но она меня и в этом не поддерживала.

Однако она была красивая. Как цветок. И мне не хватает ее красоты.

Добравшись до отдела постельных принадлежностей, я несколько обалдел. Интересно, Лили оценит то, сколько кроватей мне придется ощупать? Тут можно разместить целый приют детишек, да еще и вместе с их няньками. Чтобы облегчить себе задачу, я решил разделить помещение на квадраты и двигаться с севера по часовой стрелке.

Первая постель была застелена покрывалом с восточным орнаментом, и на ней лежало четыре подушки. Я тут же пошарил под ними ладонями в поисках следующей записки.

– Сэр? Я могу вам чем-то помочь?

Я повернулся и увидел продавца, наблюдавшего за мной одновременно удивленно и встревоженно. Он сильно смахивал на Барни Раббла¹, правда, с остатками автозагара, о котором в доисторический период еще не слыхали. Мне стало жаль его. Не из-за автозагара – на такое я никогда не обращаю внимания, – а потому что работка у него – сплошное издевательство. Стоять подряд восемь-девять часов на ногах, когда вокруг столько кроватей. А тут еще и покупатели, которые, завидев кровать, тут же норовят на нее прилечь. Мало того что ему самому нельзя прилечь, так еще и других отгоняй. На его месте я бы с ума сходил без простого человеческого общения. Поэтому честно признался:

– Я кое-что ищу. – Я бросил взгляд на кольцо на его пальце. Бинго! – Вы ведь женаты?

Он кивнул.

– Дело вот в чем. Моя мама искала тут постельные принадлежности и обронила под одну из подушек список покупок. Сейчас она наверху, в отделе столовых приборов, и очень расстроена, так как не помнит, кому и что надо купить. А мой отец вот-вот психанет, поскольку затаривание в магазинах ему нравится так же сильно, как терроризм и налог

¹ Барни Раббл – персонаж из телевизионного мультсериала «Флинстоуны».

на недвижимость. Вот он и отправил меня сюда найти этот список, и если я его по-быстрому не отыщу, на пятом этаже разразится грандиозный скандал.

Загорелый Барни Раббл упер палец в висок – видимо, чтобы лучше думалось.

– Кажется, я ее помню, – отозвался он. – Поступим так: пока вы будете искать список под этими подушками, я посмотрю под теми. Только, пожалуйста, возвращайте подушки на свои места и постарайтесь не помять покрывала и простыни.

– Конечно!

Если все-таки однажды я пойду вразнос, увлекшись выпивкой и женщинами, то моей коронной фразой для знакомства будет: «Прошу прощения, мадам, но я бы с превеликим удовольствием *разделил с вами постель* и слегка вас *помял*... Вы, случайно, этим вечером не свободны?»

Под подушками, к моему изумлению, обнаружилась масса забавных вещей: недоеденные шоколадки, детские жевательные игрушки, визитки и нечто, напоминающее то ли медузу, то ли презерватив – проверять я не стал, сразу отдернув руку. Бедный Барни взвизгнул, увидев под подушкой разложившегося грызуна, и умчался прочь – устраивать скорые похороны и проводить тщательную дезинфекцию. Тогда-то я и нашел искомое.

«7. Рискни спросить Санту о следующей записке».

Нет, черт побери. Нет, нет и нет.

Садистка! Если бы мне не было по вкусу ее извращенное чувство юмора, меня бы ветром отсюда сдуло.

Я же, разумеется, отправился к Санте.

Все оказалось не так просто. Я спустился на первый этаж, в Страну чудес Санты. Очередь к нему была предлиннющей. Дети вертелись, родители болтали по мобильным, суетились вокруг колясок или раскачивались из стороны в сторону как ожившие мертвецы.

К счастью, я всегда ношу с собой книгу – на случай, если придется стоять в очереди к Санте. Всякое бывает. Многие родители странно поглядывали на меня, особенно папы. Они явно производили в голове математические расчеты: я слишком взрослый, чтобы верить в Санту, но и слишком юный, чтобы интересоваться их детьми. В общем, безопасен, хоть и подозрителен.

Минут через сорок пять я продвинулся в начало очереди. Дети держали в руках списки, печенье, фотоаппараты, я – «Мерзкую плоть»². Наконец, подошла очередь девочки передо мной. Я сделал шаг вперед.

– Секундочку! – раздался резкий командный голос.

Опустив взгляд, я увидел самое невразумительное рождественское клише за всю историю Рождества: эльфа, одержимого жаждой власти.

² «Мерзкая плоть» – роман английского писателя Ивлина Во.

– Тебе сколько лет? – гавкнул он.

– Тринадцать, – солгал я.

Он буравил меня своими глазками из-под дурацкого зеленого колпака.

– Прости, – сказал он без капли сожаления в голосе, – но крайний возраст – двенадцать.

– Обещаю, я быстро.

– Крайний возраст – двенадцать!

Санта освободился. Подошла моя очередь. По праву. Моя.

– Мне всего лишь нужно кое-что узнать у Санты. Вот и все.

Эльф перегородил мне путь.

– Выйди из очереди, – потребовал он.

– А ты заставь меня выйти.

Теперь вся очередь уставилась на нас. У детей от ужаса округлились глаза. Родители готовы были в любую секунду наброситься на меня.

– Мне нужна охрана, – заявил эльф. Без понятия, к кому он обращался.

Я прошел вперед, задев бедром его плечо. Эльф вцепился в задний карман моих джинсов и попытался оттащить меня назад.

– Отцепись, – лягнулся я.

– Ты противный! – заорал эльф. – Противный!

Мы привлекли внимание Санты.

– Хо-хо-хо! – усмехнулся он, окинув меня взглядом. –

Проблемы?

– Я от Лили.

Санта, похоже, и сам уже об этом догадался. А прицепившийся ко мне эльф чуть не стащил с меня штаны.

– Хо-хо-хо! Отпусти его, Десмонд!

Эльф отцепился.

– Я позову охрану, – не унимался он.

– Зови, – отозвался Санта. – И пулей вернешься к сворачиванию бумажных полотенец. Не успеешь ни колокольчики с сапог снять, ни свои бубенцы из эльфийских штанов вынуть.

Хорошо, у эльфа с собой не было инструментов для резбы по дереву, иначе сегодня в «Мэйсис» случился бы очень необычный день.

– Что ж, – произнес Санта, когда эльф ушел, – присаживайся ко мне на колени, малыш.

И он не шутил. Причем и борода, и волосы, похоже, у него были свои.

– Я уже не малыш.

– Это ничего не меняет. Садись ко мне на колени, *пацан*.

Я подошел. Его живот почти не оставлял на коленях места. И, хоть и незаметно, но я уверен, он поправил пах.

– Хо-хо-хо! – снова запел свою песню Санта.

Я осторожно сел на его колено – как на испачканное жвачкой сиденье в метро.

– Ты хорошо себя вел в этом году? – спросил Санта.

Он явно обратился не по адресу, но, чтобы поскорее закончить с этим, я ответил:

– Да.

– Хорошо! Хорошо! – искренне обрадовался Санта. – Тогда что ты хочешь получить на Рождество?

Я думал, это очевидно.

– Записку от Лили. Вот что я хочу на Рождество. Но нужна она мне прямо сейчас.

– Какой нетерпеливый! – Санта понизил голос и шепнул мне на ухо: – Но у меня и правда для тебя кое-что есть... – Он поерзал. – Под шубой. Если хочешь получить свой подарок, погладь Санту по животу.

– Что? – обалдел я.

Он указал взглядом на свой живот:

– Давай же!

Я пригляделся и увидел под красным бархатом очертания конверта.

– Тебе это точно нужно, – шепнул Санта.

Так, думай об этом, как о вызове, – велел я себе.

Черт бы тебя побрал, Лили. Меня таким не пронять.

Я сунул руку под шубу Санты. К моему ужасу, под ней он ничего не носил. Пальцы коснулись горячего, потного, мясистого, волосатого живота, который мешал мне вытащить конверт. Пришлось наклониться и изменить направление руки. И все это время Санта смеялся мне в ухо:

– О-хо-хо-хо-хо!

– Какого черта! – закричал эльф.

Родители тоже начали охать и ахать. Да, я лапал Санту. И наконец ухватил конверт за уголок. Санта попытался помешать мне, но не тут-то было – я резко вытащил руку из-под шубы, выдернув несколько седых волосков с его живота.

– Оу-хо-хо! – воскликнул он.

Я соскочил с его колен, зажав в руке влажный, но не вскрытый конверт.

– Охрана, сюда! – завопил эльф.

– Он трогал Санту! – завизжал ребенок.

Я бежал. Рысцой. Петляя. Растолкав туристов, спрятался в отделе мужской одежды и закрылся в примерочной. Вытер руку и конверт об оставленный здесь кем-то велюровый пурпурный спортивный костюм и вытащил записку.

«Вот это я понимаю! Так держать!

Теперь слушай, я хочу получить на Рождество

(ну или на двадцать второе декабря)

твое самое лучшее рождественское воспоминание.

А еще я хочу вернуть свою записную книжку,

поэтому оставь ее вместе с воспоминанием

в моем рождественском чулке на втором этаже».

Я открыл в молескине первую же чистую страницу и начал писать:

«Самое лучшее Рождество у меня было в восемь лет. Родители как раз развелись и сказали, что мне невероятно повезло, поскольку в этом году вместо одного Рождества у меня будет целых два. Что вечером я получу подарки у мамы дома, а утром – в доме отца. Они назвали это Рождество австралийским, так как в Австралии подарки дарят два дня подряд – в канун Рождества и в День Подарков. Звучало замечательно, и я действительно чувствовал себя счастливым. Подумать только, два Рождества! И прошли они, как мне и обещали, чудесно. С вкусными ужинами и родственниками с разных сторон. Родители, наверное, поделили мой список желаний на двоих, так как я получил все желаемое и без повторов. Но потом отец, вечером на следующий день, совершил большую ошибку. Я еще не спал, хотя было уже очень поздно и все разошлись по домам. Отец пил что-то коричневатого-золотистого цвета – видимо, бренди. Он притянул меня к себе и спросил, понравилось ли мне праздновать два Рождества. Я сказал, что понравилось, и он снова повторил, как мне повезло. Затем отец спросил, хочу ли я чего-нибудь еще.

Я признался, что хочу, чтобы мама тоже была рядом с нами. Он и глазом не моргнув, ответил, что сделает для этого все возможное. И я поверил ему. Поверил, что мне повезло и что два Рождества лучше одного. Я уже не верил в Санту, но поверил, что родители сами могут творить волшебство. Это Рождество было самым лучшим в моей жизни.

ни. Потому что оно было последним, в которое я искренне верил».

Каков вопрос, таков ответ. Если Лили не поймет меня, продолжать не имеет смысла.

Я нашел на втором этаже отдел, где продают рождественские именные чулки, обойдя по широкой дуге сидящего на этом же этаже Санту и кучу охранников. А вот и вешалка с чулками с именем «Лили» – прямо между всякими «Линасами» и «Ливиниями». Тут и надо оставить записную книжку...

... Но сначала пойду-ка я в кинотеатр, куплю Лили билет на «Бабулю сбил олень Санты». Пусть ходит на него завтра в десять утра.

Глава 4

Лили

23 декабря

Я никогда не хожу в кино одна. Обычно я смотрю фильмы с дедушкой, братом, родителями или кем-то из родственников. Больше всего мне нравится ходить в кино всей семьей – эдакой армией попкорн-зомби, в унисон ахающей, и хохочущей, и не брезгующей пить из одной соломинки кока-колу необъятных размеров. Для того семья и нужна.

Я собиралась потребовать у Лэнгстона и Бенни сходить со мной на десятичасовой сеанс. В конце концов, они сами заварили всю эту кашу. Я специально пошла будить их пораньше – в восемь утра, – чтобы они успели покопаться в своих футболках с ироничными надписями и навести на голове творческий беспорядок в стиле «мне пофиг на прическу, на которую ни капли не пофиг».

Вот только Лэнгстон, когда я попыталась его растормошить, швырнул в меня подушку. И даже головы не поднял.

– Прочь из моей комнаты, Лили, – проворчал он. – Иди в кино одна!

Бенни перевернулся и посмотрел на часы рядом с кроваткой.

тью.

– Ау, *mamacita*³, который час? Восемь?! *Merde merde merde*⁴, и это в Рождество, когда не поспать до полудня просто-напросто преступление? Ау, *mamacita*... Иди спать! – Бенни снова перевернулся на живот, накрыл голову подушкой и, видимо, сразу погрузился в свой испано-английский сон.

Я чувствовала себя разбитой, поскольку встала в четыре утра, чтобы сделать своему таинственному другу особенный подарок. И не отказалась бы, как в детстве, прикорнуть на полу рядом с Лэнгстоном. Но подозреваю, что если заикнусь о таком в это самое утро, в этой самой компании, Лэнгстон повторит свою дежурную фразу:

– Ты слышала меня, Лили? Прочь из моей комнаты!

Ой, он и правда это сказал, а не в моем воображении.

– Но мне нельзя идти в кино одной, – напомнила я брату правило, установленное родителями, когда мне было восемь. Его никто не отменял.

– Тебе можно идти в кино одной. А если даже нельзя, то пока родители в отъезде, за тебя отвечаю я. И чем скорее ты покинешь мою комнату, тем скорее я разрешу тебе гулять до двенадцати, а не до одиннадцати.

– Мне запрещено гулять после десяти, а не одиннадцати.

– Знаешь что? У меня для тебя новое правило: никаких

³ Ау, *mamacita* (исп.) – Боже мой! Мамочки мои.

⁴ *Merde* (исп.) – Черт. Дерьмо.

запретов на гулянки. Гуляй до скольких хочешь и с кем хочешь, мне плевать, только мобильный не выключай, чтобы я мог убедиться, что ты еще жива. Веселись на здоровье: напивайся, развлекайся с парнями и...

– Ла-ла-ла-ла-ла, – запела я, заткнув уши ладонями, чтобы не слышать дальнейшие пошлости. Повернулась, собираюсь выйти из комнаты, но тут вспомнила: – А что мы будем готовить на предрождественский ужин? Я подумываю о жареных каштанах и...

– Вон! – закричали хором Лэнгстон и Бенни.

Вот тебе и предрождественские пожелания. Когда мы с братом были маленькими, то за неделю начинали готовиться к Рождеству и каждый день приветствовали друг друга за завтраком словами: «Доброе утро! Счастливого тебе пред-пред-предрождественского дня!» И так до самого Рождества.

Интересно, какие монстры поджидают в кинотеатре тех, кто приходит туда в одиночестве, потому что их братья наотрез отказались вылезать из постели? Нужно по-быстрому научиться делать злобную мину, чтобы быть готовой к разного рода опасностям. Я оделась, упаковала свой особенный подарок, а потом покорчила у зеркала страшные рожи, которые должны были отпугнуть любого монстра, нацелившегося на одиночку.

Состроив наиприветнейшее лицо – болтая языком, морща нос, злобно сверкая глазами, – я заметила Бенни, стоящего

позади меня в коридоре.

– Зачем ты изображаешь котенка? – спросил он, зевнув.

– Я изображаю страшные рожи!

– Слушай, – отозвался он, – *papí*⁵ скорее отпугнет твой прикид, чем твоя злобная кошачья мордашка. Что ты нацепила на себя, Мисс Безумица?

Я оглядела свой наряд: школьная оксфордская рубашка, заправленная в войлочную желто-зеленую юбку до колен с вышитыми на ней оленями, чулки с узором карамельной трости и поношенные кроссовки.

– А что не так с моей одеждой? По-моему, мой наряд довольно праздничный для пред-предрождественского дня. И для фильма с оленем. И вообще, я думала, ты спишь.

– В туалет захотелось. – Бенни обвел меня с ног до головы оценивающим взглядом. – Нет, – отрезал он. – Обувка у тебя точно не в тему. Если уж собралась идти в таком виде, то уж доработай образ до конца. Идем.

Он взял меня за руку и потащил к шкафу. Там порылся в куче моих кроссовок.

– У тебя что, никакой другой обуви нет? – удивился Бенни.

– Что-то завалилось в сундуке со старьем, – шутливо ответила я.

– Отлично!

Он бросился к старому сундуку, стоявшему в углу комна-

⁵ *Papí* (исп.) – Папочка.

ты, и принялся выгребать оттуда тюлевые пачки, балахоны, фанатские бейсболки, пожарные каски, туфельки принцессы, туфли на платформе и кошмарное количество резиновых тапочек, пока, наконец, не вытащил на свет божий сапожки мажоретки, принадлежавшие моей двоюродной бабушке Иде. С кисточками и железными набойками на носках и каблуках.

– Они тебе по размеру? – спросил Бенни.

Я примерила их.

– Большеваты, но сойдет. – Сапоги замечательно подошли к чулкам. Прикольные.

– Класс! Они будут отлично смотреться с твоей шапкой.

Шапка у меня забавная – винтажная, красная, с помпонами по бокам. «Винтажная» в том смысле, что я связала ее в четвертом классе для школьного танцевального мюзикла «Рождественская песнь», на который нас, конечно же, вдохновил Диккенс. Пришлось порядком поднасесть на директора школы, чтобы он разрешил нам поставить его на сцене. Некоторые люди слишком узколобы.

Завершив свой образ, я направилась к метро и чуть не потеряла по дороге болтающиеся на ногах сапоги. Уже хотела вернуться домой и переобуться в свои старенькие кроссовки, но передумала: набойки так празднично постукивали по тротуару! Эти сапоги просто созданы для того, чтобы петь... ла-ла-ла... ой, чуть не соскочили... ха-ха-ха.

Должна признаться, что, несмотря на желание следовать

указаниям таинственного незнакомца, я понимала: парень, оставивший мне билет на «Бабулю сбил олень Санты», вряд ли окажется тем, кто мне нужен. Меня оскорбляло уже само название фильма. Лэнгстон сказал, что к таким вещам нужно относиться с юмором, но я не понимаю, что такого смешного в наезде оленя на пожилого человека. Олень – травоядное животное и питается исключительно растительной пищей. Он ни за кем не охотится и никого не затаптывает. Мне неприятны мысли об олене, навредившем какой-то старушке, поскольку все мы знаем: случись такое не в кино, а в реальной жизни, Служба охраны диких животных устроила бы охоту на этого оленя и пристрелила бы рогатого беднягу, когда виновником случившегося, скорее всего, была бы сама бабуленция! Которая вечно забывает надеть очки и из-за остеопороза ходит медленно, согнувшись в три погибели. Да она же просто живая мишень для нашего старого доброго Бэмби!

Наверное, в кино я собралась ради одного – возможности встретиться с таинственным парнем. Хотя на листке, оставленном им вместе с записной книжкой в чулке с моим именем, он написал:

«Не читай то, что я написал в твоей книжке, пока не придешь в кинотеатр.»

Запиши в нее свое самое худшее рождественское воспоминание.

*Не умалчивай об ужасных подробностях.
Оставь книжку для меня за Мамой.
Спасибо».*

Я человек честный и раньше времени не открывала записную книжку. Прочитать ее дома было все равно, что заглянуть в родительский шкаф с приготовленными для меня рождественскими подарками. Я пообещала себе, что открою ее только после сеанса.

Я была готова к тому, что мне не понравится фильм, но была совершенно не готова к тому, с чем столкнусь в кинотеатре. Последний был заставлен с улицы стройными рядами колясок. Видимо, именно в это время показывают детские фильмы и мультики и мамочки могут привести сюда свою малышню, которая бесконечно что-то лопочет, срыгивает и надрывается от плача. В зале кинотеатра стояла сплошная какофония из «ваа-ваа», «мама, хочу...», «нет!» и «мое!». Какой там фильм, я и не смотрела его, отвлекаясь на летевшие в меня с задних рядов крекеры, мелькающие в воздухе детали «Лего» и отклеивание подошв бабушкиных сапог от липкой лужи на полу.

Дети пугают меня. Они, конечно, милые создания, но настырные и неразумные и еще странно пахнут. Поверить не могу, что когда-то была такой же. Удивительно, но сам кинотеатр вызвал у меня большее отвращение, чем фильм. Пока чернокожий комик на экране играл толстую мамашу, мамоч-

ки вокруг меня пытались справиться со своей малышкой.

Через двадцать минут я не выдержала, вскочила и вышла из зала в тишину и покой вестибюля, чтобы наконец прочитать записную книжку. Но тут ко мне подскочили две мамочки, водившие своих крох в туалет.

– Сапоги у тебя – загляденье! *Просто прелесть!*

– Где ты такую шапочку взяла? *Прелесть!*

– Я не *прелесть!* Я – Лили! – крикнула я.

Мамочки отступили.

– Лили, – сказала одна из них, – пожалуйста, скажи своей маме, чтобы она купила тебе успокоительного.

Другая неодобрительно поцокала языком. Они поспешно увели своих карапузов в зал, подальше от Крикливой Лили.

Я нашла укромное местечко за огромной картонной фигурой, служившей рекламой фильму «Бабулю сбил олень Санты». Уселась за ней по-турецки и наконец-то открыла записную книжку.

Прочитанное опечалило меня.

Как хорошо, что я встала сегодня рано и испекла незнакомцу печенье. Мы с мамой целый месяц делали и замораживали заготовки из теста, поэтому мне нужно было лишь разморозить печенюшки с разными наполнителями, выложить их на противень и испечь. И – вуаля! – у меня с собой жестяной рог изобилия с печеньями всевозможного вкуса (доказательство моей веры в то, что Бука достоин таких усилий): мятного, тыквенного, имбирного, пряничного, с шоко-

ладными снежинками и эгг-ногом. Каждое печенье я украсила соответствующей обсыпкой и повязала на банку бант.

Я сняла наушники и выключила айпод с ораторией «Messiah», чтобы сосредоточиться, а то меня все время подмывало подирижировать карандашом, и начала писать ответ на вопрос таинственного незнакомца.

«У меня было только одно плохое Рождество. В шесть лет.

Тогда, перед самыми рождественскими каникулами, моя мышка-полевка трагически погибла на школьном показе домашних питомцев.

Знаю, знаю, звучит смешно. Мне смешно не было. Произошедшее было зверским убийством.

Прости, но, несмотря на твою просьбу, вдаваться в ужасные подробности я не буду. Мне все еще больно вспоминать об этом.

Что меня действительно тогда ранило – конечно же, не считая мучительного чувства вины и потери, – полученное после этого случая прозвище. Видя, как погибает моя мышка, я визжала как ненормальная. Но мой гнев и боль были столь сильны, что я продолжала визжать и дальше. Если ко мне кто-то пытался подойти или заговорить, я снова кричала. Крик словно стал моим основным инстинктом. И я ничего не могла с этим поделать.

В школе меня прозвали Визглей. Это прозвище приклеи-

лось ко мне на всю начальную и среднюю школу, пока родители не перевели меня в частную школу для старшеклассников.

Но именно в то Рождество я стала Визглей.

В те каникулы я оплакивала не только потерю мышки, но и потерю своей наивной веры в то, что ребенка везде и всегда примут таким, какой он есть.

В то Рождество я поняла, почему переживающие за меня родные перешептывались, что я слишком впечатлительная, слишком чувствительная. Другая.

В то Рождество я поняла, почему меня никогда не приглашали на вечеринки в честь дней рождения и почему меня всегда выбирали последней в команду.

В то Рождество я поняла, что я – странная».

Закончив писать ответ, я поднялась. И осознала, что понятия не имею, где оставить записную книжку для таинственного незнакомца, сказавшего положить ее за Мамой. Мне оставить ее в зале, на сцене перед экраном?

Я посмотрела в сторону барной стойки. Попросить помощи? Попкорн выглядел аппетитно, и у меня сразу заныло в желудке. Рванув туда, я чуть не свалила картонную фигуру, за которой сидела. Тогда-то и увидела надпись: «Мама». Я уже находилась за ней. Картонная фигура была изображением чернокожего мужчины, игравшего необъятную мамашу.

Я записала в книжку новые указания и положила ее за Ма-

мой. Там ее найдет только тот, кто знает, где искать. Вместе с посланием я оставила банку с печеньем и туристическую открытку, которую нашла на полу кинотеатра прилипшей к жвачке. Открытка была из музея мадам Тюссо – моей любимой ловушки для туристов на Таймс-сквер.

На открытке я написала:

«Что ты хочешь на Рождество?»

Только давай без умничаний.

Что ты действительно прям очень-очень-очень сил-нет-как-хочешь?

Пожалуйста, напиши об этом в записной книжке и оставь ее у смотрительницы, приглядывающей за Честным Эйбом.*

Спасибо.

Искренне твоя, Лили

** P.S. Обещаю, смотрительница не будет тискать тебя, как дядя Сэл в «Мэйсис». Уверяю, с его стороны это не было сексуальным домогательством, он просто любит обнимашки.*

P.P.S. Как тебя зовут?»

Глава 5

Дэш

23 декабря

В дверь позвонили около двенадцати, как раз когда должен был закончиться фильм «Бабулю сбил олень Санты». Поэтому моей первой (и, признаюсь, нелепой) мыслью было: «Лили меня отследила! Ее дядя работает в ЦРУ, он нашел меня по отпечаткам пальцев, и сейчас меня арестуют за то, что я притворился кем-то, достойным внимания Лили». К входной двери я шел, заложив руки за спину – практиковался в ходьбе с наручниками. Однако, посмотрев в глазок, увидел не девушку и не агента ЦРУ, а переминающегося с ноги на ногу Бумера.

– Бумер, – сказал я.

– Кто ж еще! – отозвался он.

Бумер. Уменьшительное от «Бумеранг». Кликуха, данная ему не за способность возвращаться после того, как им кто-то кинется, а за сходство по темпераменту с псинкой, гоняющейся за этим самым бумерангом, снова, и снова, и снова. Бумер – мой самый старый друг (разумеется, не в том смысле, что ему ого-го сколько лет, а в том, что мы знаем

друг друга уже очень давно). С семи лет у нас появилась наша собственная рождественская традиция – поход в кино на двадцать третье декабря. Вкусы Бумера с того времени почти не изменились, так что я уже знал, какой фильм он выберет.

И точно, переступив порог, друг крикнул:

– Хей! Готов идти на «Братву»?

«Братва» – новый анимационный фильм студии «Пиксар» о степлере, безнадежно влюбленном в бумаженцию и скоперировавшемся со своими дружками-канцтоварами, чтобы завоевать ее сердце. Опра Уинфри озвучила скотч, а Уилл Феррел – охранника, вставляющего влюбленным палки в колеса.

– Смотри! – Бумер выпотрошил свои карманы. – Несколько недель собирал фигурки из «Хэппи мил». У меня есть все, кроме лапульки Лорны Дырокол.

Он сунул пластиковые игрушки мне в руки, чтобы я их рассмотрел.

– А это разве не дырокол? – удивился я.

– Блин! – хлопнул себя по лбу Бумер. – Я думал, это папка для файлов Фредерико.

По воле судьбы, «Братва» шла в том же самом кинотеатре, куда я отправил Лили. Так что я мог убить двух зайцев разом: соблюсти нашу с другом традицию и забрать записную книжку Лили до того, как до нее доберутся какие-нибудь сорванцы или сорвиголовы.

– Где твоя мама? – спросил Бумер.

– На уроке танцев, – солгал я. Пронюхай он, что моих родителей в городе нет, тут же помчится на всех парах к своей маме, и тогда мне гарантировано самое что ни на есть бумеровское Рождество.

– Она оставила тебе денег? Если нет, то я за тебя заплачу.

– Не волнуйся, дружище, – обнял я его рукой за плечи, не давая раздеться. – Сегодня за кино плачу я.

Я не собирался говорить ему о записной книжке, но он шел за мной по пятам, когда я нырнул за своим трофеем за картонную фигуру Мамы.

– Ты чего? Контактную линзу посеял?

– Нет. Для меня тут кое-что оставили.

– Ооо!

Бумера здоровяком никак не назвать, но из-за своей вечной суеты он занимает кучу пространства. Он следил за мной через плечо картонной мамы, привлекая к нам внимание продавцов попкорна. Не хватало еще, чтобы нас с ним выгнали из кинотеатра.

Записная книжка была там, где и ожидалось. А рядом с ней жестяная банка.

– Вот что я искал. – Я показал другу молескин.

Бумер сцапал банку, открыл крышку и заглянул внутрь.

– Ого! Зачетный тайничок. Забавно, что кто-то оставил печенья там же, где для тебя оставили записную книжку.

– Думаю, печенья тоже для меня. – Что подтвердилось стикером: «Печенья тебе. Счастливого Рождества! Лили».

– Точно? – Бумер достал из банки печенье. – Откуда знаешь?

– Догадываюсь.

Друг помешкал.

– Хм. На коробке должна быть записка с твоим именем.

Ну, если это тебе.

– Моего имени не знают.

Бумер сунул печенье обратно в банку и закрыл крышку.

– Нельзя есть печенье от того, кто не знает твоего имени! – заявил он. – Вдруг в них лезвия?

Кинотеатр заполнялся детьми и родителями. Если мы не поспешим, то «Братву» будем смотреть с первых рядов.

Я показал ему стикер:

– Видишь? Они от Лили.

– Лили? Это кто?

– Девушка, кто же еще.

– Ооо... девушка!

– Бумер, так реагирует малышня из началки.

– Ладно. Ты трахаешь ее?

– Уговорил, я был не прав. «Ооо... девушка!» понравилось мне гораздо больше. Давай на этом и остановимся.

– Вы учитесь в одной школе?

– Вряд ли.

– Вряд ли?

– Слушай, лучше нам купить билеты, а то мест не останется.

– Она тебе нравится?

– Да что ж ты пристал, как пиявка. Разумеется, она мне нравится. Но я пока с ней не знаком.

– Пиявки пьют кровь. Я не кровосос, Дэш.

– Я в курсе, Бумер. Это фигура речи. Такая же, как «поварить котелком». Ты же понимаешь, что речь тут вовсе не о «котелке».

– А о чем же! – возразил друг. – Забыл о наших котелках?

Ах да. Мне вспомнились наши старые лыжные шапки (синяя – Бумера, зеленая – моя), которые мы в первом классе называли «котелками» и надевали на головы, чтобы лучше думалось. У Бумера есть чудная черта. Спроси, кто в его частной школе вел уроки в прошлом семестре, и он не сможет вспомнить имен учителей. Зато он помнит цвет и модель каждой игрушечной машинки, с которой мы когда-либо играли.

– Неудачный пример, – согласился. – Признаю свою ошибку.

Заняв свои места (на мой вкус, расположенные низковато, зато с барьером из курток между мной и сопливым мальцом слева), мы накиннулись на печенье.

– Очень вкусно, – признал я, съев одно из них – со снежинками из молочного шоколада.

Бумер понадкусал шесть печений с различным вкусом, чтобы понять, в каком порядке их лучше съесть.

– Мне понравилось коричневое, светло-коричневое и по-

шти-коричневое. Насчет мятного сомневаюсь. Но с лебкухен, точняк, самое лучшее.

– С чем?

– С пряничной смесью. Вот это, – показал мне его Бумер.

– Что это еще за смесь такая, «лебкухен»? Сам придумал?

Звучит сексуальненько.

– Не пошли! – возмутился Бумер так, словно печенью могло обидеться.

– Ну прости, прости.

Перед фильмом начался показ рекламных роликов, и пока Бумер тарасился на «эксклюзивные анонсы» детективных сериалов для кабельных каналов, где играли так себе звезды восьмидесятых, мне наконец удалось прочесть воспоминание Лили. Бумеру бы понравилась история Визгли, вот только он бы ее пожалел, а я же знаю правду: странной девочкой быть куда как круче. Мне безумно импонировало несколько извращенное чувство юмора Лили. Она казалась мне ироничной, резковатой, сексуальной и шальной. Я бы дал ей прозвище Пряность Лебкухен. К тому же, бог ты мой, ее печенья до того вкуснющие, что так и тянет пожелать на Рождество: «Еще печений!»

Но нет. Лили велела не умничать, и, хотя такой ответ был бы искренним, боюсь, она приняла бы его за шутку или, хуже того, за подлизывание.

Непростой вопрос она задала. Особенно учитывая то, что мне приходится сдерживать сарказм. Ведь руки так и чешут-

ся написать пафосный ответ, который любят на конкурсах красоты: «Мира в мире!» Но при этом, конечно же, как-нибудь скаламбурить: «пира в мире», «мира в тире», «сыра Фире» и тому подобное. Также можно было бы разыграть свою «ах ты сиротинушка» карту и пожелать моей семье воссоединения, но на сегодняшний день это было последнее, чего я хотел.

Началась «Братва». Местами она была очень даже забавной, к тому же я ценю иронию, без которой не обходится практически ни один анимационный диснеевский фильм. Но любовная линия хромала на обе ноги. После всех мало-мальски феминистично настроенных героинь дамочка в этом мульте оказалась пустышкой. В буквальном смысле этого слова. Она представляла собой чистый бумажный лист. Пусть она и могла сложиться в бумажный самолетик, чтобы отправиться со своим степлером-бойфрендом в романтический полет по волшебному конференц-залу, и довольно бойко противостояла в финальной сцене злополучному охраннику... но меня она не особо впечатлила. А вот Бумер, степлер и большинство детей в зале были от нее без ума.

Может, мое рождественское желание – кого-то себе найти? Как степлер бумагу. А может, я сам – бумага, и мне как раз нужен степлер? Или я штемпельная подушка, влюбленная в степлер, но не сумевшая завладеть его вниманием. До сей поры я встречался лишь с точилками для карандашей (если не считать Софию, которую можно сравнить с мягким

ластиком).

А не поразмышлять ли над тем, что мне действительно хочется на Рождество, в музее мадам Тюссо? Очереди из туристов, фоткающих восковые фигуры, способны подстегнуть чье угодно воображение.

Я знал, что Бумер не откажется от экскурсии, поэтому, как только степлер со своей бумаженцией обрели счастливый конец и на экране пошли титры (под приятный голос Селин Дион, поющей «You Supply My Love»), я потащил друга из кинотеатра на Сорок вторую улицу.

– Откуда тут столько народу? – спросил Бумер, проталкиваясь сквозь толпу.

– Бегают по магазинам, – объяснил я.

– Уже? Не рановато ли для возвращения покупок?

Реально не понимаю ход его мыслей.

В музее мадам Тюссо я был всего раз, в прошлом году. Мы с друзьями тогда пытались установить мировой рекорд по количеству неприличных снимков с восковыми фигурами знаменитостей и исторических личностей. Не буду врать, фотографироваться в непристойных позах с кучей восковых фигур было нервозно. Особый мандраж вызвал Николас Кейдж, от которого у меня и в реальной жизни мурашки по телу. Моя подруга Мона хотела задействовать снимки в своем выпускном проекте, да и охранники не возражали против этого непотребства: им главное, чтобы не было физического контакта. Я тогда изложил подруге одну из своих теорий, что

мадам Тюссо затеяла всю эту эпопею с восковыми фигурами ради создания воскового борделя, чьей владелицей впоследствии и стала. Мона пришла от идеи в восторг, однако доказательств мы не нашли и к проекту приплести ее не смогли.

Вход охраняла восковая копия Моргана Фримена. Может, это что-то вроде небесной кары? И каждый раз, как какой-нибудь актер, обладающий хоть каплей таланта, продает свою душу, чтобы заблестать в голливудских кинокартинах, не имеющих никакой социальной ценности, его облик моментально запечатлевают в воске и выставляют в дверях музея мадам Тюссо? А может, руководство музея просто просекло, что все любят Моргана Фримена. Кто ж откажется сфоткаться с ним перед тем, как войти в сам музей?

Забавно, но следующими двумя восковыми фигурами были Сэмюэль Л. Джексон и Дуэйн «Скала» Джонсон, что лишь подтверждало мою душепродажную теорию. А еще возникал вопрос: работники музея спецом держат все чернокожие фигуры в вестибюле? Очень странно. Бумер, похоже, этого не заметил. Он вел себя так, словно попал на парад знаменитостей во плоти и крови. Друг встречал восторженным возгласом каждую новую фигуру... «Вау! Это Холли Берри!»

Мне же хотелось кричать благим матом на цену за билет. Пришлось раскошелиться на двадцать пять баксов. Нужно не забыть сказать Лили, чтобы в следующий раз, когда ей захочется отправить меня полюбоваться восковой фигурой Честного Эйба, она клала в записную книжку наличные на

расходы.

Внутри было настоящее фрик-шоу. В прошлое мое посещение музей почти пустовал. Видно, в каникулы дома все сходят с ума, поэтому толпы зевак окружали даже самые сомнительные восковые фигуры. Неужели Ума Турман стоит такой толкотни? Или Джон Бон Джови?

Если честно, музей угнетал меня. Восковые фигуры были и правда суперреалистичными. Но, черт, скажите мне «воск», и я подумаю: «плавится». В настоящей статуе есть что-то постоянное, долговечное. Я про те, которые не здесь. И дело не только в воске. Просто вы же понимаете, что в каком-то уголке этого здания есть кладовая, забитая использованными и ненужными статуями – фигурами тех, чьи дни славы прошли. К примеру, участниками группы «Н Синк» (кроме Джастина Тимберлейка), или «Бэкстрит Бойз», или «Спайс Герлз». Разве кто-нибудь сейчас снимается с восковой группой из сериала «Сайнфелд»? А Киану Ривз хоть раз останавливался возле своей копии, чтобы вспомнить то время, когда люди толпами ходили вокруг него?

– Смотри, Майли Сайрус! – закричал Бумер, и с десятков младшекласниц подлетели к нему потаращиться на бедняжку, застывшую в нескладном (но для нее – прибыльном) подростковом возрасте. И копия-то вышла неудачной. Что-то в ней было не то. Казалось, это не сама Майли Сайрус, а ее кузина-провинциалка, принарядившаяся и пытающаяся похо-

дить на сестру. За Майли застыли восковые фигуры группы «Джонас Бразерс». Однажды и их призовет к себе Кладовая Позабывших Статуй.

Конечно же, прежде чем я найду Честного Эйба, нужно понять, что же я все-таки хочу на Рождество.

Пони.

Бесплатный проездной на все виды транспорта Нью-Йорка.

Обещания, что Лилиного дядюшку Сэла никогда больше не подпустят к детям.

Роскошный желто-зеленый диван.

Новую лыжную шапку-думалку.

Похоже, я просто неспособен придумать серьезный ответ.

Что я действительно хочу – чтобы Рождество поскорее прошло. Может, Лили меня поймет... а может, и нет. Даже самые крутые девчонки обожают Санту. И я не могу винить Лили за ее веру, поскольку понимаю: приятно тешиться иллюзией. Я это не о вере в Санту, а о вере в то, что благодаря какому-то празднику на человека вдруг свалится счастье.

– Дэш?

Я поднял взгляд и увидел Прию с двумя братишками на хвосте.

– Привет, Прия.

– Это она? – спросил Бумер, каким-то чудом сумевший оторвать свое внимание от Джеки Чана, чтобы поставить меня в неловкое положение.

– Нет, это Прия, – ответил я. – Прия, это мой друг – Бумер.

– Я думала, ты в Швеции.

Она была раздражена. Непонятно только, на меня или вцепившегося ей в рукав брата.

– Ты был в Швеции? – влез в разговор Бумер.

– Нет. Поездка отменилась в последнюю минуту. Из-за политических волнений.

– Это в Швеции-то? – не поверила Прия.

– Ага. Странно, что «Таймс» это скрывает. Полстраны бабстует из-за того, что кронпринц брякнул о Пеппи Длинный Чулок. Так что никаких фрикаделек на Рождество, если вы меня понимаете⁶.

– Печалька, – отозвался Бумер.

– Ну, раз ты не уехал... – начала Прия. – Я устраиваю вечеринку на следующий день после сочельника. София тоже придет.

– София?

– Ты ведь в курсе, что она в городе? Приехала на Рождество.

Бьюсь об заклад, Прия наслаждалась этим. Казалось, даже ее козьявки-братья наслаждаются этим.

– Естественно, – солгал я. – Просто... я же должен был уехать в Швецию. Сама понимаешь...

– Вечеринка начинается в шесть. Можешь с другом приходиться. – Братья снова начали куда-то ее тянуть. – Надеюсь,

⁶ Речь идет о шведских рождественских фрикадельках.

увидимся.

– Да, конечно. София.

Я не собирался произносить последнее слово вслух. И не знаю, слышала ли его Прия – так быстро ее утащили мальчишки.

– Мне нравилась София, – сказал Бумер.

– Да, мне тоже.

Странновато было в погоне за Лили уже дважды столкнулся с Прией, однако я все равно списал это на совпадение. София не вписывалась в ту игру, которую мы с Лили вели. Разумеется, все это могло быть большим розыгрышем, однако я прекрасно знаю Софию и ее подружек: шутки – это явно не про них.

Потом я задумался: а хочу ли на Рождество Софию? Появляющую бантом. Под рождественской елкой. Говорящую мне, что я охрененно клевый.

Неа. Не особо.

Она мне нравилась, конечно. Мы были до того хорошей парой, что, по мнению наших друзей, – больше ее, чем моих, – прекрасно вписывались в стереотип, как должны выглядеть влюбленные. Нас таскали на свидания из четырех пар. Мы были замечательными партнерами по настольным играм. Мы переписывались друг с другом перед сном. София провела в Нью-Йорке всего три года, поэтому мне приходилось объяснять ей культурные особенности, а она, в свою очередь, рассказывала мне истории об Испании. Дойдя до «третьей

базы»⁷, мы там и застряли. Словно боялись, что если продвинемся дальше, нас «осалит» кетчер.

Я почувствовал (легкое) облегчение, когда София сообщила о своем возвращении в Испанию. Мы пообещали поддерживать связь, что и делали около месяца. Потом стали просто читать новости в онлайн профилях друг друга. На этом все.

Нет, мне хотелось на Рождество чего-то большего, чем София.

Может, Лили? Трудно сказать. Разумеется, последнее, что я написал бы в записной книжке: «Все, чего я хочу на Рождество, – это ты».

– Чего я хочу на Рождество? – спросил я Анжелину Джоли.

Ее полные губы не приоткрылись.

– Чего я хочу на Рождество? – спросил я у Шарлиз Терон. И добавил: – Прикольное платье.

Она тоже мне не ответила.

– Они у тебя натуральные? – заглянул я в ее декольте.

Шарлиз даже не попыталась вlepить мне пощечину.

Наконец я повернулся к Бумеру:

– Чего я хочу на Рождество?

Он на секунду задумался:

– Мир во всем мире?

– Ну спасибо, ты мне очень помог!

⁷ Петтинг.

– А что у тебя в амазонском перечне хотелок? – спросил друг.

– Где?

– На «Амазоне». В перечне хотелок?

– Ты про список желаний, что ли?

– Ну да, про него.

И тут меня осенило, чего я хочу. То, что всегда хотел. Но мое желание было невыполнимым, поэтому я даже не внес его в список.

Мне нужно было куда-то присесть, но единственную скамейку тут уже заняли в ожидании автобуса Элизабет Тейлор, Хью Джекман и Кларк Гейбл.

– Я на секунду, – бросил я Бумеру, нырнул за Оззи Осборна со всей его семейкой (приблизительно 2003 года) и начал писать в записной книжке.

«Значит, без умничаний?

Правду и только правду?

Я хочу на Рождество БОС. Полную версию. Без исправлений.

Поясню, на случай если ты не такая ботаничка, как я:

Б – Большой

О – Оксфордский

С – Словарь

Только не краткий. И не на дисках.

Ни в коем случае. Нет.

Двадцать томов.

Двадцать две тысячи страниц.

Шестьсот тысяч статей.

Наверное, самый грандиозный труд по английскому языку.

И недешевый – почти тысяча долларов. Что, должен признать, многовато для книги. Но, черт, не для такой! Это ведь не просто книга, а полная генеалогия каждого используемого нами слова. В ней нет великих или малых слов, каждое слово важно.

Понимаешь, в глубине души я жажду быть загадочным и мудреным, посвященным в таинство слов. Мне хочется поражать и обескураживать людей их родным языком.

К слову, вот загадка для тебя:

Мое имя – соединитель для букв⁸.

Знаю, это похоже на детскую дразнилку, просто... правда в том, что мне бы хотелось оставить между нами некую таинственность, пусть даже и ненадолго. Своей загадкой я лишь подчеркнул, – хотя мои родители понятия об этом не имеют (и я уверен, отец бы сразу принял горячо возражать), – что мне с самого начала дали имя, связавшее мою судьбу со словесностью. И в то время как другие находят земные удовольствия в спорте или сексе, я его нахожу в словах. Прочитанных или написанных мною самим.

Если тебе повезло родиться в богатой семье и ты мечта-

⁸ Дэш (англ. Dash) – черточка, штрих, росчерк.

ешь исполнить рождественское желание одинокого и таинственного лингвиста-провокатора, то, пожалуйста, знай: я не хочу получить БОС в качестве подарка. Я хочу заработать его или заработать на него (при помощи моей же любимой словесности). В таком случае он станет для меня наиболее ценен.

На этом, пожалуйста, мне стоит закончить, а то из меня польется сарказм. Но прежде должен признаться тебе со всей своей искренностью: твои печенья настолько хороши, что способны вдохнуть в эти восковые статуи жизнь. Спасибо за них! В четвертом классе я как-то пек для проекта по Вильямсбургу кукурузные маффины. Получились не кексы, а кирпичи. Поэтому ответить тебе тем же самым я не смогу, но... поверь мне, придумаю, как тебя отблагодарить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.